

Ольга Романова

Бутырка
Тюремная тетрадь

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Романова, Ольга.

Р69 Бутырка. Тюремная тетрадь / О.Е. Романова. – Москва:
Издательство АСТ, 2016. – 352 с., илл. [16] – (Ангедония.
Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-097720-8

Я была успешной телеведущей — в те времена, когда смотреть телевизор не было делом зазорным. Мой муж Алексей Козлов был успешным предпринимателем — со всеми атрибутами стиля, которого мы сейчас стеснялись бы. Все закончилось в один день, когда в нашу жизнь вошла тюрьма. Закончились внезапно друзья, связи и даже родственники. Закончились деньги, успех и новые платья. Начались тюремные очереди, поиск адвокатов, передачи, судебные заседания, путешествия по ближним и дальним зонам страны.

Мы боролись — и победили. Мы встретили много прекрасных и удивительных людей по обе стороны колючей проволоки, которых страдали, любили, шутили, помогали друг другу. Мы попытались сохранить их в своей жизни, не упустить ни одного — так родилось движение «Русь Сидящая», которое старается помочь людям, которые столкнулись с неизвестным, непонятным, страшным.

Вы сейчас держите в руках тюремные дневники, которые мы вели одновременно: Алексей в тюрьме, я на воле. Мы писали друг для друга, чтобы знать, понимать, прочувствовать и сохранить. Скоро стало понятно, что дневники надо публиковать. Я боялась, повторяя привычное, российское, тюремное: «Как бы хуже не было». Муж убедил меня, что хуже не будет, и был прав. Но я ведь тогда не знала этого, поэтому ни в Бутырка-блоге, ни в первом издании дневников не было его имени.

Срок, который изначально получил Алексей, должен был закончиться в 2016 году — восемь лет. Алексей давно на свободе, работает и помогает мне в «Руси Сидящей». И мы хотим вам сказать только одно: ничего не бойтесь. Не предавайте себя, боритесь. Тюрьма — не конец, тюрьма может стать началом другой, прекрасной жизни, в которой не будет места ничему лишнему. Стыдному и зазорному.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097720-8

© Романова О.Е.
© ООО «Издательство АСТ»

НЕМНОГО ПРО ТО, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ, И ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ

Этот блог, который стал книгой, мы писали вместе с мужем, Алексеем Козловым. Его имени нет в книге — мы писали практически в режиме прямого эфира и не были уверены, что его имя надо раскрывать. Да и мое тоже. Сначала это просто был «дневник мужа» и «дневник жены».

Муж сидел в тюрьме, дневник был начат летом 2008 года. В марте 2009 года прокурор попросил для моего мужа 12 лет лишения свободы. Приговор был — 8 лет. В сентябре 2011 года Алексей Козлов вышел на свободу. Как быстро выяснилось — очень ненадолго, на четыре месяца. Его снова посадили, было много испытаний и приключений, о которых мы и не думали, когда начинали публиковать дневник. В итоге он окончательно вышел на свободу в июне 2013 года, в общей сложности Алексей провел в тюрьме чуть меньше 5 лет.

Решение публиковать дневник принимал Алексей в самом начале своих судебно-тюремных злоключений. Это было очень ответственное и мужественное решение. Я приняла его, хотя сильно просила все взвесить: к тому времени мы оба понимали, чем это может обернуться —

прежде всего для него, конечно. Все то, чего мы опасались (точнее, я — Алексей был уверен), все это случилось — то, что можно коротко описать известным выражением «оказывалось серьезное давление». Алексей решил, что это надо просто пережить, просто продержаться несколько месяцев, и оказался прав.

В книгу вошли только самые первые годы нашей тюремной жизни — со всеми нашими ошибками, которые совершают многие. Правда, мы ухитрились почти не наломать дров: сказалось наше финансовое образование, а также элементарные (тогда) юридические познания, но главное — несгибаемый и упрямый характер Алексея, не слишком удобный в семейной жизни, но оказавший решающее влияние на его тюремную стратегию поведения.

Тогда же, когда писалась эта книга, возникло сообщество, которое чуть позже выросло в общественное движение «Русь сидящая», а потом и в Благотворительный фонд помощи осужденным и их семьям. И движение, и фонд действуют и развиваются, теперь там есть небольшой штат сотрудников с богатым жизненным опытом и яркой биографией, и сотни волонтеров, прекрасных, добрых и активных людей. А начиналось все с того, что женщины, чьи мужья оказались в тюрьме, стали встречаться после своего необычного трудового дня, проведенного в тюремных очередях и в судах, и делиться друг с другом новыми знаниями. Мы помогали друг другу, вместе ходили на суды, потому что быстро поняли: сидеть в зале одной, лицом к лицу с российским правосудием, видеть в клетке своего родного человека — невыносимо. С каждым днем к нам присоединялись все новые и новые женщины —

да, у тюрьмы женское лицо — и мы могли их научить тому, что узнали сами, и помочь.

С нами всегда был один мужчина, Игорь, он пытался спасти свою жену, которая работала бухгалтером и отказалась оговаривать обвиняемых в экономических преступлениях владельцев компании. Ей тогда дали 16 лет, ей было 47. Но все закончилось хорошо. Была — и осталась — Лора, которую мы зовем Немезидой, потому что она не только спасла своего мужа после трех лет тюрьмы, но и в течение многих лет добивалась и добилась разоблачения и суда над фабрикантами дела против ее мужа. К нам быстро присоединились адвокаты — лучшие из лучших, те, что работают не за деньги, а за совесть. Этот самый первый костяк и сейчас с нами, это, конечно, братство.

Мы не знаем, сколько историй и сколько семей прошло с тех пор через «Русь сидящую», мы не ведем подсчетов, потому что числа важны для статистики, но не для человеческой судьбы. Кому-то мы смогли существенно помочь, кому-то облегчили жизнь, в каких-то случаях мы разве что смогли утереть слезу. Слuchaев, от которых мы отказывались сразу, немного. Было одно дело, которое я не забуду никогда, оно связано с реальным насилием над детьми — мы тогда отправили жену насильника к хорошему священнику, он помог ей справиться с тем, с чем многие не смогли бы жить. И еще есть с десяток дел, за которые мы не брались, потому что обратившиеся родственники параллельно пытались «договориться по-хорошему», то есть давать взятки. Мы понимаем. Часто это кажется единственным выходом. Иногда — крайне редко — это работает. Но это другой путь. Не стоит по нему идти.

И по прошествии всех этих лет я вам твердо могу сказать одно: боритесь. Не сдавайтесь. Не сдавайтесь никогда. Это работает.

И вот еще что. Мы с Алексеем много говорили и говорим о том, что очень благодарны судьбе. Благодарны за то, что в нашей жизни была тюрьма. Конечно, русская тюрьма — это зло, там не исправляют, не дают шанса, там ломают людей. Но это позволило нам круто изменить собственную жизнь. Разобраться, кто тебе друг, а кто нет — ведь если бы не было тюремы, мы знать не знали бы об этом, а может быть, и не задумывались. Теперь мы уверены, на кого можем положиться. А главное — мы можем положиться друг на друга. Тюрьма дала нам радость и гордость от общения с людьми, которых мы никогда бы не встретили и которые теперь с нами навсегда. Это люди из самых разных социальных слоев, разных национальностей и занятий, разных возрастов, которых объединяет одно: они не сломались. А те, что сейчас вынуждены проходить этот тяжелый путь, им, быть может, достаточно будет самой маленькой поддержки, чтобы они выстояли и вернулись к нам сильными, добрыми и здоровыми людьми, готовыми к счастью.

ОЛЬГА РОМАНОВА

6

Тюрьма — это не конец. Быть может, тюрьма — это только начало. Если вы этого захотите.

На этом месте принято писать благодарности, и я сделаю это: спасибо всем, кто читал и будет читать эту книгу. Значит, вам это небезразлично. Одного этого бывает достаточно для первого шага: попытаться узнать об этом, помочь невинным, выслушать искалеченных судьбой или обществом. Ценить и беречь свободу.

БИЗНЕС ЗА РЕШЕТКОЙ: ДНЕВНИК АРЕСТОВАННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Дневник был начат 25 августа 2008 года, почти через месяц после ареста. Тогда же, в конце августа, арестант написал обо всем, что с ним происходило с момента ареста до начала ведения дневника в режиме реального времени. Предприниматель А. теперь уже на свободе. Дневник публикуется с его согласия. В дневнике также содержатся наблюдения и размышления многих бизнесменов, а также чиновников, оказавшихся в той же ситуации. Орфография и стилистические особенности оригинала сохранены.

В офис явились люди в штатском (то ли 4, то ли 5 человек) и попросили проехать с ними в Следственное управление МВД РФ на Газетный переулок. На вопрос — почему в их сопровождении — прозвучал стандартный ответ: Вас вызывали на вчера, а Вы не явились. В подтверждение этих слов показывается какой-то листок бумаги с указанием моей фамилии и датой, 28 июля, и тут же исчезает во внутреннем кармане сотрудника МВД и больше нигде не фигурирует. Старший сотрудник МВД отбирает мобильный телефон, объясняя, что мне его отдаст следователь (полнейший обман), и мы направляемся к выходу. 10 минут сотруд-

ник МВД остается на месте, ожидая опергруппу, которая будет проводить обыск.

По дороге к лифту я достаю из внутреннего кармана второй мобильный телефон и успеваю сделать один звонок — жене. Я предупреждаю, что задержан. При этом убираю телефон обратно в карман и обещаю больше не звонить.

У входа нас поджидает новенький седан «Инфинити», явно личный автомобиль кого-то из сотрудников МВД. Я предлагаю поехать на моей машине, тем более, что там находится мой паспорт. Мне говорят, что документы не нужны — и мы уезжаем.

Встреча со следователем производит неизгладимое впечатление. Верх цинизма. Мне объясняют, что за шесть дней руководства следственной группой она (следователь) полностью разобралась в сути моего дела (следствие к этому времени шло уже больше года) и приняла решение о моем задержании. На мой вопрос, почему бы меня сначала не допросить, и как, не видя и не зная человека, можно принимать столь серьезные решения, следователь закатывает глаза кверху и говорит, что это не ее решение.

Как выяснилось позже, в тюрьме, это сейчас своеобразный госстандарт. По заказным делам следствие идет около одного года, затем идет замена следователя на «попку» и через несколько дней он выносит решение об аресте. Практически все руководители компаний, которых я встречал в тюрьме, были арестованы по этому сценарию.

Далее у меня состоялся разговор «по душам» со следователем. Она взяла шпаргалку, написанную заказчиком моего дела (это было слишком очевидно), и начала задавать вопросы, параллельно изучая содержание моего мобильного телефона. При этом следователь пыталась убедить меня быть предельно откровенным, так как этот разговор без протокола и, возможно, меня отпустят. Эту чушь и ложь было смешно слушать, так что разговор не сложился. Попытка начать допрос официально тоже не удалась, так как выяснилось, что следователь не может установить мою личность без паспорта, а я отказался давать показания без адвоката, которого никто не предупреждал.

Возникла пауза, во время которой следователь долго рассказывала мне, что все адвокаты сволочи, их цель — заработать как можно больше денег. Единственный истинный друг обвиняемого — это следователь. Все ее подследственные, освобождаясь, чуть ли цветы ей дарят и благодарят за прекрасно проведенное время. На мой вопрос о наличии у нее экономического образования (все-таки полковник СК МВД, зам начальника отдела экономических преступлений) последовал ответ, что она юрист.

Далее последовал допрос, осмотр моих личных вещей, в результате которого ни флэшки, ни еще один телефонный аппарат обнаружены не были. Уже ближе к 23.00 меня доставили в изолятор временного содержания на Петровку, 38.

На следующий день состоялся так называемый суд об избрании мне меры пресечения. Суд Тверской, а правосу-

дие Басманное. Как утверждают адвокаты, следователь лично печатала постановление суда об избрании мне меры пресечения еще до начала заседания. Им даже удалось заснять это на камеру мобильного телефона.

Представителя Генеральной прокуратуры особо не волновал исход дела. Он обсуждал по своему телефону-коммуникатору Nokia ценой около \$1000 что-то очень веселое, постоянно поглядывая на свои часы Rolex Submariner зеленого (редкого) цвета.

Суд был короток, аргументация следствия, что я могу скрыться, была подкреплена железобетонным аргументом — наличием загранпаспорта. При этом следователь отказалась в присутствии судьи этот загранпаспорт изъять у моих адвокатов. Судья этого предпочла не заметить.

Далее — обратно на Петровку, 38, в сопровождении трех бойцов тюремного спецназа, ребят, которые прошли Чечню и были, пожалуй, единственными профи со стороны моих оппонентов. Всю дорогу они откровенно скучали, не понимая, почему ими «усилили» эмвэдэшных оперов (видимо, потому, что те разучились управляться втроем против одного). На мой вопрос о необходимости использования спецназа следователь ответила, чтобы я благодарил ее за то, что меня вчера брал не ОМОН или СОБР, а опер. Я предпочел бы, чтобы следователя отблагодарили наши налогоплательщики.

Вообще, следователь мне попался нервный, хамоватый и не умный. Узнав, что у зала суда дежурит ТВ, она в истерике прокричала мне перед выходом, что если ее фами-

лия прозвучит в прессе, то она не даст мне свидания с женой. На этот момент адвокаты вместе с женой покинули зал, а обращение следователя было направлено к жене. Я обратил на это внимание следователя. Тогда она прокричала — Вы передайте это жене, иначе не дам свидания. Я попросил у нее мобильный телефон (так как был лишен средств связи еще за день до этого), чтобы переговорить с женой. На этом истерика закончилась, так как телефон мне никто давать не захотел. В итоге «серая мышь» следователь не заинтересовалась никого. Тем не менее, свидания она нам так и не дала.

На Петровке я сидел недолго, всего пять дней. Сокамерник мне попался бывалый, за 50, четыре ходки, все за убийства. Первая в 16 лет. Как он мне сказал о себе, «лучше всего я умею одно — убивать». За время нашего общения он мне рассказал кучу баек из тюремной и лагерной жизни. Никаких движений в ИВС нет. Трехразовое питание и общение с сокамерниками. Мне повезло дважды. Во-первых, мой сокамерник более чем за 20 лет отсидки много прочитал и с ним можно было обсуждать вопросы истории и астрономии. Во-вторых, моей жене удалось передать мне на следующий день передачу, в которой были книги! И нормальная еда и одежда. Книги стали моими лучшими друзьями в тюрьме.

Комфортная одежда тоже играет важную роль. В тюрьме вообще самое важное — организация быта. Поскольку я заехал в ИВС в костюме, мне было комфортно получить джинсы и все такое. Сокамерники смотрят на костюмы как на космические аппараты. Один мой нынешний друг и коллега по несчастью заехал на Петровку не только в костюме, но еще и в рубашке с запонками. По-

пался ему такой же, как мне, бывалый сокамерник — кавказец, которому он подарил свою рубашку и костюм, когда получил джинсы (так как хранить и гладить костюмы негде). Реакция сокамерника была своеобразной: поблагодарив за подарок «Kiton-джан», он покрыл трехэтажным матом козлов-ментов, которые, по его мнению, отпороли у рубашки пуговицы на манжетах.

В Бутырку я попал 4 августа, в понедельник. Попасть должен был в СИЗО №5, но следователь, пытаясь осложнить мое общение с адвокатами и родственниками, в последний момент изменила свое решение. На прямой вопрос следователю адвокатов и жены — где наш подзащитный, она разводила руками — дескать, не знаю. Каково же было удивление адвокатов, когда в ответ на депутатский запрос МВД официально ответило, что в Бутырку (или СИЗО №2 или Из 77/2) я был помешен по прямому указанию следователя. Как я понимаю сейчас, сделано это было по нескольким причинам: во-первых, чтобы мои близкие не успели договориться с руководством той или иной тюрьмы о помещении в нормальные условия. Дальнейшие перемещения внутри тюрьмы, конечно, возможны, но это требует времени. И денег. Как правило, перед доставкой заключенного в тюрьму приезжают опера, которые пытаются договориться с руководством или отдельными сотрудниками СИЗО о том, чтобы обложить арестованного со всех сторон и не дать ему возможности контактировать с внешним миром, а может быть, и прессануть. Во-вторых, понервировать родственников и не дать возможности оперативного контакта с адвокатами.

БУТЫРКА СИЗО №2, ИЛИ ФБУ ИЗ 77/2 УФСИН РФ ПО Г. МОСКВЕ.

Первое, что поражает, так это отношение к заключенным — априори все, попавшие сюда, виновны. На реплики арестованных, что до суда они лишь обвиняемые, следует стандартный ответ — здесь случайных людей нет, раз попал в тюрьму — значит, виноват.

Антисанитарные условия содержания!!! Словами это описать сложно. Плесень на всех стенах, потолок шелушится. Цвет стен — угнетающе темно-коричневый; трещины, все стены в грязных разводах. В левом углу у окна самодельный православный уголок: иконы, житие святых, библия. Уголок сделан заключенными. Вообще все, что здесь есть внутри человечески приемлемого: еда, условия (телевизор, холодильник) и другое — это деньги и инициатива заключенных.

При солнечной погоде на улице солнце в камеру не попадает, при этом витамины передавать запрещено! Во-да в кране только холодная. В душ водят 1 раз в неделю. Передачи приносят в лучшем случае на следующий день. Сосед по камере, приехав из суда в 14.00, попал в камеру к 22.30, все это время он сидел в одиночном боксе

(стакане) без санузла и ждал, когда его проведут 100 метров до камеры. Конвоиры были заняты.

Как выяснилось позже, камера, в которой я сидел, во времена сталинских репрессий предназначалась для приговоренных к расстрелу. Тяжелая атмосфера ощущается здесь и по сей день.

ОЛЬГА РОМАНОВА

НЕ МОГУ ПОНЯТЬ, КАК МОЖНО ТАК ДОЛГО НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ

25.08.08

«Что в нашей профессии самое сложное?» — спросил один из героев фильма «В бой идут одни старики». «Самое сложное — это ждать», отвечает он же. Что самое сложное в тюрьме? Пожалуй, ждать идет на первом месте. Ограничения передвижений и доступа к любой информации делает распорядок дня очень скучным: подъем, проверка, завтрак, прогулка. На прогулке я стараюсь больше двигаться, лежа на скамейке качать пресс. Далее обед, сон, ужин, телевизор, сон. Слава Богу, есть книги. Пере-дали шахматы и домино.

Когда ложишься спать, остаешься наедине со своими мыслями. Очень тяжело думать о близких. Они так далеко, и ты впервые не можешь до них дотянуться.

Условия содержания в данном перечне лишь на третьем, последнем месте, так как ко всему, кроме первого и второго, человек, на мой взгляд, привыкает.

Не могу понять, как можно так долго ничего не делать.